

Юрий Ивасько

Осеннее стекло

Библиотека
Российского колокола

Библиотека журнала «Российский колокол»

Юрий Ивасько
Осеннее стекло

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Иванько Ю. А.

Осеннее стекло / Ю. А. Иванько — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Библиотека журнала «Российский колокол»)

ISBN 978-5-00153-110-4

В сборник стихов вошли произведения последних лет, в основном любовная лирика. «Осеннее стекло» – это тонкая грань между женским и мужским мирами, которую невозможно стереть. «Осеннее» соответственно возрасту. Из-за этой грани двум противоположным полам невозможно понять друг друга. Это вечная тайна жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-110-4

© Иванько Ю. А., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

ЛЕНЕ	7
Осеннее стекло	7
Чёрный полковник	9
Питер и ты	11
Апрельский сон	13
Лене	14
Скажи мне...	15
Тебе, кудрявая	16
Поймай жука!	17
СНЫ	18
На краю бессонницы	18
Тебе я нравлюсь?	19
Баварская бессонница	20
Чёрный снег	21
Тебе	22
Инквизитор	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юрий Иватко

Осеннее стекло

© Юрий Иватко, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Иватко Юрий Альбертович родился 3 января 1963 года в городе Асбесте Свердловской области. Окончил Асбестовскую детскую художественную школу (1980), Свердловское художественное училище им. И. Д. Шадра (1987), Московскую государственную художественно-промышленную академию им. С. Г. Строганова. Член Союза художников России. Член Союза писателей Крыма.

Участник многих всероссийских, межрегиональных и зарубежных художественно-выставочных проектов. Публиковался в литературных журналах и альманахах: «Литературная Ялта», «Голоса Петербурга», «Сергиев», «Колокол России», «Поэт года». В 2017 году получил Гран-при и приз зрительских симпатий на международном открытом ежегодном литературно-музыкальном фестивале «Ялос» им. Льва Болдова. Финалист национальной литературной премии «Поэт года» в 2018 году. "Гран-при" и "Лауреат" международного музыкально-поэтического фестиваля «Интеллигентный сезон – 2018» в городе Саки, в Крыму.

Посвящаю моей музе

ЛЕНЕ

Осеннее стекло

Я глянул на тебя сквозь пустоту —
мне показалось: ты как будто плачешь.
Но в свете звёзд одних, почти во мраке,
непросто что-то ясно разобрать.
Ты плачешь?
Это звук текущих слёз?
Или течёт осеннее стекло,
что между нами вечно пролегает
подобно тонкой грани, разделившей
две сути – «инь» и «ян» – на две вселенных?
Я слышал, что оконное стекло,
земному притяжению подвластно,
с годами оплывает сверху вниз
и наверху становится чуть тоньше,
внизу же набирает толщины.
А то стекло, что нас разъединяет, —
куда течёт оно: вверх ли, прямо?
А может быть, инерцией сносимо,
оно сплывает в прошлое – назад?
И в прошлом застывает в странных формах
воспоминаний о минувших снах?
И я, возможно, спутал твои слёзы
с опływом вспять аморфного стекла?

Оно течёт водой и повторяет
изгибы наших тел, миров и жизней,
нас разделяя, но не как поток
беды,
а как рубеж,
как просто данность —
граница между женским и мужским,
что вовсе не видна, но ощутима.
И, к аксиоме нашего стекла
навек приговорённые, мы вторим
его рельефу и вырастаем с двух
сторон в поток стеклянный,
но хотя он
и очень тонок,
мы из-за него
понять друг друга никогда не сможем.

Нам суждено смотреть на нас самих

и нашими глазами познавать
себя
со стороны,
совсем не видя
лишь собственных бездонных мирозданий,
что дышат и клубятся за спиной.

Поток течёт, и звёзды в нём текут,
смываются привычные картины
созвездий и скоплений пылевых.
И время, что пошло давным-давно —
задолго до всего, что существует, —
неумолимо движется вперёд.
И где-нибудь наступит миг, когда
осеннее стекло, всё истончаясь,
исчезнет вовсе, и вот в этот час
мы наконец сольёмся и растаем
и станем той же самой пустотой.
Но время, не замедлившись ничуть,
продолжит бесконечный ход и скоро
уйдёт так далеко, что всё бывшее
уже совсем утратит всякий смысл.
И я тебя не разгляжу во тьме,
но буду знать, что это плачешь ты.

Чёрный полковник

И снова «Люфтганзы» «журавлик летящий»
меня увлекает без вящего страха
из этой московской тоски морозящей
к нюрнбергским дождям и штормам Бюхенбаха.

Застряв в пустоте между космосом мёртвым
и вечно взволнованным облачным морем,
в прокрустовом кресле, притиснутый к борту,
доверясь судьбе и английским моторам,

себя ощущаю лишь горсточкой пыли,
стираемой вечностью в пригоршню праха,
в чей утлый и бранный рассудок вместились
нетленные смыслы вселенских размахов:

парсеки межзвёздного, лютого мрака;
пределы владений кипящего Солнца;
звериные циклы петли Зодиака;
шершавый булыжник Земли, что несётся

в праще притяжения, в путах орбиты;
страна, чьи концы затерялись далёко —
от лун черноморских до волн ледовитых,
от стен Кёнигсберга до Владивостока —

без дна и без края. И в небе над нею
опять вспоминаю твой образ, и всё же
с большой высоты и большое виднее.
Отсюда любые разлады ничтожны.

Сквозь холод и время, сквозь гулкую скорость
меня накрывают картины былого.
Меня настигает твой шёпот, твой голос,
и в шуме полёта мне слышится снова:

«Любила тебя, как свеча выгорая.
Мечтала. Ждала», — все глаголы в прошедшем.
Но если всё так, то во что мы играем?
И что на кону в той игре сумасшедшей?

Какие черты наши маски скрывают?
Я знаю одно: для меня всё как прежде.
Влюблённый в сценарий, я роль доиграю.
А маска моя — это искра надежды.

Тулузский извозчик всё дальше от дома,
с родным языком и привычным укладом,
несётся к баварскому аэродрому —
в эрлангенский рай с лингвистическим адом.

И, может, пройдя по траве Тенненлое,
по улочкам Хусбаха ли, Эльтерсдорфа,
оставив своё – сокровенно-живое
в анналах немецкой культуры, аморфно

вживаясь в чужой, образцовый порядок,
влачась через Тартар общения вместе
со всеми, кто «инглиш» мой были бы рады
понять, а не только лишь знаки и жесты,

смогу наконец разобраться в подтекстах
молчаний твоих, надиктованных свыше.
На уровне чувств и условных рефлексов
меж фраз твоих главное что-то расслышу.

Неделя разлуки пройдёт понемножку.
К тебе я вернусь, как всегда, на закате.
С «Полковником чёрным» мы сядем к окошку —
втроём – мы и он. Как ведётся, «накатим».

И нам офицер – благородный и бравый —
поможет в себе разобраться. Мы будем
его вопрошать – он рассудит нас здраво,

и мы, «на троих», всё неспешно обсудим.

Питер и ты

Сквозь отсыревшие слои
эпох за маленькую руку
я вёл тебя через свои
мечты далёкие. Вдоль скуки

февральских, выставших камней
бескрайней Северной Пальмиры,
и вежи мокрых фонарей
чернели строго, как рапиры,

торчащие эфесом вверх
в асфальтовой груди проспекта.
Ты помнишь, как на голове
твоей, в кудрях, утратив вектор,

о розе вовсе позабыв,
вздыхал балтийский зимний ветер?
Дома, как рыбы, воспарив
в неровном морозящем свете,

рты подворотен на тебя
поразевали в удивленьи.
Навзрыд клаксонами трубя,
всем стадом на твои колени

косились фарами авто.
И в охристой дуге Генштаба,
как будто в раме золотой,
ну или в бронзовой хотя бы,

портретом плыл навстречу нам
изваянный резцом Растрелли
лик Зимнего дворца, и там,
куда-то вверх крестом нацелен,

лишь гравитацией навек
к брусчатке площади прикован,
как страж дождей, ветров и рек
встал монферранов столп. Дворцовый

широкий мост и мощь колонн
ростральных на застывшей Стрелке.
Негромкий колокольный звон
Исаакия вдали да мелким

и чёрным маком воробьи
на льду в гранитных невских кантах.
И пальцы зябкие твои
на венах каменных Атланта.

Апрельский сон

Какие пасмурные окна
в моей апрельской мастерской.
Глаза с туманной поволокой
так беззащитны. Голос твой

звучит без слов. Его распевы
акустику пустынных стен
тестируют. На стуле, слева,
извечный символ нежных сцен —

одежда смятая. По влажной
равнине кожи – рук тепло.
Чем кончится – сейчас неважно.
Важнее, что произошло

уже всё это. И на деле
приму, что будет. Высоту
холодных потолков разделит
твой плач на сказку и мечту.

В безжизненном оконном свете
лишь ветреный апрельский гул.
И складки ломаные эти
одежды, брошенной на стул...

Лене

Твои взоры печальны,
Молчаливы уста.
И в тебе изначально
эта грусть неспроста.

Почему же так вышло,
что в февральском снегу
твоих пальцев застывших
отогреть не могу?

Отогреть и отнежить
время призрачных снов,
чтоб мечты и надежды
в них затеплились вновь.

Не печалься же, Лена,
Не роняй слёзы вновь.
Пусть грядут перемены.
Неизменна любовь.

Скажи мне...

Ну что за перепутье, правый Боже!
Не разобрать сплетения дорог.
Туманы сердце застили, быть может,
чтоб я тебя им чувствовать не мог.
И чтоб оно не очень сильно билось,
когда ты плачешь над своей судьбой.
Но знаю: что бы с нами ни случилось,
я всюду и всегда дышу тобой.
И кажется, что где-то, в прошлых жизнях,
мы вместе провели так много лет.
В твоих глазах, то грустных, то капризных,
горит всё тот же первобытный свет.
А ты, вослед Луне, походкой львиной
созвездием являешься во сны,
нашёптываешь странные былины,
но смыслы их в потёмках неясны.
И гладишь мои волосы, и слёзы
чело мне солят, словно бок леща.
Сознанием туманным, не тверёзым,
в дремотной пелене, в полночный час
я, как ни странно, лучше понимаю,
что ты пришла ко мне, пришла за мной.
Я это признаю и принимаю:
во сне иду к тебе – иду домой.
Но ты былин мне больше не тверди,
а лучше расскажи, как с нами будет.
Что за дороги ждут, какие люди?
Я сам не вижу жизни впереди.

А вдруг любовь – лишь грёза и не боле?
Тогда меня одна терзает мысль:
нет в этом смысла, если только в боли
не заключён какой-то тайный смысл.

Тебе, кудрявая (сентиментальный текст)

Над экстерьером удивительным твоим
трудились лучшие дизайнеры вселенной.
Похоже, было нелегко крылатым им
из подходящего ребра, прибрежной пены,

из тьмы и хаоса субатомных частей
отфильтровать, скомпоновать, сложить в цепочки
от гуттаперчевых, затейливых кудрей —
всё, до капризных ног и стройных локоточков.

И отразить в глазах загадочность глубин
межгалактических пространств и вод придонных
всех океанов и морей; прозрачность льдин
пустынь арктических и блеск светил бессонных.

Так изловчиться, чтобы в голосе твоём
небесных сфер анданте вечное звучало,
шумел бы ветер лёгкий призрачным крылом,
напев волны речной брал тихое начало.

И еле шлёпнув по волшебной красоте,
в тебе затеплить искру жизненного цикла,
чтоб ты, лучом сверкнув в чернильной высоте,
в подлунный мир звездой упавшею проникла.

Вдогон тебе, сквозь пустоту, из ничего,
из непонятного, таинственного «свыше»
два зыбких шёпота в ночи: «Найди его»,
тебя настигли слабым эхом, еле слышным.

И вот, идёшь, послушна слову и судьбе,
сквозь свет и время, не деля свой цикл на части,
простым путём, без околичностей — к себе,
чтобы «найти его» — своё простое счастье.

Поймай жука!

«...жука!» – ты мне кричала. И на месте
потешно прыгая, смеялась: «Ну поймай!»
А я не в силах был тогда, с тобою вместе,
не рассмеяться. Той весною этих май —

ских первенцев тепла роились стаи
над клейкой свежестью берёзовых вершин.
Но не жуки, казалось издали, летают,
а кроны гулко выдыхают из глубин —

чуть вьюжным эхом, охристым туманом —
перерождённой новизны обертона.
И вороные кудри, беспрестанно,
всё вздрагивали в такт. Твой голос на —

ливался озорством и длился эхом:
«Поймай жука!» И в каждом мае мне
теперь мерещится: сама весна, со смехом,
подпрыгивая, словно в полусне,

задорно встряхивая облачную шапкой,
кричит мне вслед, сквозь синеву и май,
сквозь гулкий тембр гудящей охры шаткой:
«Поймай жука!» И вновь вдогон: «Поймай!»

СНЫ

На краю бессонницы

Осень
бездомной собакою
за городской околицей
бродит
под вечными знаками
древней орбиты.
Бессонница
лунным бельмом,
одноглазо так,
липнет к окну.
Ни души.
Лишь тишь.
Пусть мне приснится сегодня та,
что отняла покой.
То бишь
чьи так волнуют
глаза,
а стан
рук обжигает кольцо.
Чей смех
как вокализ.
Маета, отстань!
Дай мне уснуть —
не чини помех.

В голову льётся сырой бетон.
Мысли текут киселём в воде.
Тьмой наплывает
из мрака
сон.
Где ж та, со смехом и станом?
Где?

Тебе я нравлюсь?

Зачем мне снится еженощно
она и что-то говорит?
Я не могу расслышать точно,
о чём. Быть может, так шумит

февральским ветром непогода
и навевает эти сны?
Прошло четыре долгих года,
четыре жизни с той весны.

А я всё прошлое пытаюсь
переосмыслить и опять
перед студёной ночью каюсь
в том, что ничем не оправдать.

Хоть нет уверенности точной,
что говорит она, но всё ж
мне слышится во снах полночных
под шорох тысячи порош

одно: «Скажи, тебе я нравлюсь?»
И снова: «Не молчи – скажи».
Я с немотой во сне не справлюсь
никак. За окнами кружит

позёмка, и февральской вьюгой
смеётся надо мной зима.
Четыре жизни друг без друга
сквозь сны, сводящие с ума.

Четыре круга Зодиака
в пустой космической ночи.
И голос, рвущийся из мрака:
«Тебе я нравлюсь?
Не молчи!»

Баварская бессонница

В Баварии пивной и пропечённой
июльским зноем, словно каравай,
всю ночь из духоты сырой и чёрной
в окно глядит бессонница-сова.

И сквозь неё созвездия Европы,
мерцающая, как полубессонный бред,
плывут в рассвет по незнакомым тропам
чужих небес, как плыли сотни лет.

Лягушки на баварском диалекте
в невидимом пруду ведут подсчёт
космическим светилам – вносят лепту
в порядок знаменитый. И ещё

до самого утра, впотьмах, на лоне,
под окнами вздыхают о своём
и сдержанно покашливают кони.
А с неба на ночной аэродром

с гудением ползёт к Нюрнбергу искра —
«Люфтганзы» одинокий светлячок.
И время воском вязким и небыстрым
по ночи жаркой призрачно течёт.

Но лишь восток зарёй позолотится,
вернутся сны в остывший интерьер.
А вдалеке, над красной черепицей,
Взойдёт предвестник солнца – монгольфьер.

Чёрный снег

В моих ночах покоя больше нет.
Гнёт одинокой темноты невыносим.
С обратной стороны прикрытых век
плывут картины тех печальных зим,
где в негативе кружит чёрный снег.

И пряди чёрные вздыхают на ветру,
мне кажется, что я легко смогу
их ощутить, дотронуться рукой,
но лгут желанья и надежды лгут —
то чёрный ветер веет над землёй.

И там, за чёрным ветром, в полутьме,
под чёрным снегом, в этот странный час
плывёт теней размытых череда.
Я не могу их различить сейчас
и, верно, не признаю никогда.

Быть может, это те, кого, любя,
я вдруг осиротил на полпути
и предал, в памяти навеки хороня?
А может, те, кто, не сказав «прости»,
осиротили насовсем меня?

Я вглядываюсь в эту темноту
сквозь шоры век, но вижу только след
своих ошибок посреди руин.
И нет в моей ночи покоя, нет.
Под чёрным снегом я лежу один.

Тебе

Весенний ветер раздувает,
как сферу,
ночи полотно.
И, парусами снов играя,
уносит грёз моих челнок
в полночный океан, налитый
по ризку горизонтов.
Он
о страсти шепчет неприкрыто
текучими губами волн.
Бессонный океан любви —
твоей —
баюкает всю ночь
моё больное изголовье
и гонит сновиденья прочь
от гальки тёплой бережной,
где языками пенных бус
прибой жонглирует небрежно
аморфным хрусталём медуз.
И сны мои плывут далече —
их, среди тысячи морей,
дыханием солёным лечат
муссоны нежности твоей.
Отлива выдох,
вдох прилива —
качаешь осторожно ты
в своей воде неторопливой
мои усталые мечты.
Я вижу сумрачным сознаньем,
как тени наших прошлых дней
спешат на тайное свиданье
с небесной чашей,
а на ней —
луны червонец юбилейный
пасёт копеек звёздный сонм.
И запах тот, что мне милей нет —
твой —
зимне-вишенный,
сквозь сон
вплывает сладостною фальшью
в мою измученную грудь.

Неси, челнок мой, дальше,
дальше.
Куда-нибудь,

куда-нибудь...

Инквизитор

Зачастую смысл сновидения скрывается за сложностью его видеоряда. Жаль.

Однажды снилось мне, что я Христос
и по воде ходил в чужих местах,
отбрасывая тень до самых звёзд
простым рисунком Южного Креста.

Я по воде ходил в чужих местах.

И, убедившись в плотности воды,
ножом её нарезал и раздал
частями, словно с дерева плоды,
всем жаждущим, кого ни увидал.

Ножом нарезал воду и раздал.

А жаждущие, нет чтоб просто пить,
Пытаться стали все день ото дня
По той воде, подобно мне, ходить
И, не сумев, роптали на меня.

Пытались по моей воде ходить.

Но чей-то голос прошептал во сне,
что инквизитор я, а не Христос.
И сей же час со звёзд под ноги мне
мой Южный Крест, уменьшившись, приполз.

Обычный инквизитор. Не Христос.

И вот, согласно с фабулой сна,
вся прожитая жизнь моя была
самим же мною приговорена
к сожжению на костре до дня, дотла.

Вся жизнь к сожжению приговорена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.